

Хуа Цзянь охватило нехорошее предчувствие. Его рослая фигура застыла у входа в метро, словно массивная колонна, и проходящие мимо люди неизменно бросали на него любопытные взгляды.

Поколебавшись добрых полчаса, он всё же открыл WeChat и заглянул в переписку с Сюэ Панем.

Тц-тц, вот же угораздило вляпаться.

На фотографии Сюэ Пань с распухшим от побоев лицом жался в каком-то углу, а снизу красовалось текстовое сообщение:

Твой друг взял моё лекарство и не заплатил, говорит — отдал тебе. Жду тебя ровно час, приноси десять тысяч на улицу Фубао, в бар ХХ. Опоздаешь — сам приду искать тебя в Пекинский университет.

Дочитав до этого места, Хуа Цзянь наконец не выдержал и выругался вслух:

— Ах ты ж ёб твою мать, Сюэ Пань! Накрутить мне за один флакон целых двадцать тысяч?! Да тебя, убудка, жизнь учить должна, прихлопнуть бы тебя, сукина сына!

Глава 17. Ты не Хуа Цзянь

Сюэ Пань сидел, ссутулившись в углу и тупо уставившись себе под ноги.

Дюжина мужчин, окруживших его, состояла из местных головорезов, промышлявших у Пекинского университета.

Сюэ Пань сегодня явно не фартило. Сначала он пошёл к главарю этой шайки по кличке Брат Хан, чтобы толкнуть «послушную воду», но после завершения сделки на него внезапно вышел Брат Пэн Юй.

Выяснилось, что Брат Хан проиграл внутреннюю борьбу за власть в их банде, и теперь все его дела перешли под полный контроль Брата Пэн Юя.

Сюэ Пань прекрасно понимал, что Брат Пэн Юй решил использовать его для устрашения остальных — эдакая показательная порка для всех, кто привык иметь дело с Братом Ханом.

В конце концов, он был всего лишь приезжим без каких-либо связей, идеальная мишень.

Смириться с этим он, конечно, не желал, но противостоять дюжине отморожков, привыкших решать вопросы кулаками и арматурой, было бессмысленно.

Убежать ему, разумеется, не удалось, и в итоге его отделали до такого жалкого состояния.

Что же касается того, что он сдал Хуа Цзяня... Сюэ Пань ни капли об этом не переживал.

Какая-то жалка десятка тысяч для этого сорящего деньгами мажора — сущие гроши.

Учитывая трусливый и осторожный характер Хуа Цзяня, получив сообщение от Брата Пэн Юя, он должен был примчаться сломя голову.

Но это самое «сломя голову» затянулось до самых сумерек, а гость так и не появился.

— Твою мать, парень, ты надо мной издеваешься, что ли? Какой к чёрту мажор? Какое «прибежит от одного испуга»? Решил тут игры со мной устраивать?

Брат Пэн Юй с силой затушил окурок и от души врезал Сюэ Пань ногой в грудь.

Денег так и не дождавшись, его подручные ещё разок от души попинали лежащего парня, заодно прихватив с собой его телефон и наручные часы, после чего смачно плюнули на него и удалились.

В конце концов, этот парень учился в Пекинском университете, а Пэн Юй был всего лишь мелким хулиганом, промышлявшим в тени черного рынка, и привлекать лишнее внимание ему совсем не улыбалось.

Сюэ Пань сизмальства рос на самом дне общества, так что подобные тумачи и пинки были для него привычным делом.

Дождавшись, пока затихающие шаги окончательно растворятся в тишине, он сморщился и сдавленно зашипел от боли.

В этот момент раздался насмешливый голос:

— Ого, приятель, а вид-то у тебя потрепанный.

Сюэ Пань вздрогнул и поднял глаза. Прямо перед ним, уставившись на него сверху вниз, стоял человек на длинных стройных ногах, примостившийся на корточках.

— Ты...

Хуа Цзянь усмехнулся:

— Что, отхватил от гопников так, что мозги отшибло?

— Хуа Цзянь?

Сюэ Пань изо всех сил попытался продрать заплывшие от синяков глаза, чтобы получше разглядеть того, кто к нему обратился.

Мужчина, стоявший перед ним, и тот самый Хуа Цзянь в чёрной пластиковой оправе, вечно прятавшийся по тёмным углам, не имели друг с другом ничего общего.

— Ты не Хуа Цзянь.

Сердце Хуа Цзяня дрогнуло. Он приподнял брови и с улыбкой произнёс:

— Неважно, Хуа Цзянь я или нет. Ты только что пытался меня кинуть, но я человек великодушный — прощаю тебя. Более того, у меня для тебя есть выгодное дело, всё зависит от того, захочешь ли ты ввязаться.

Сюэ Пань хмыкнул:

— Чего, пойти в бар официантом подрабатывать?

На белой рубашке Хуа Цзяня красовался бейдж с названием бара UP.

Проигнорировав насмешку, Хуа Цзянь поднялся на ноги.

Сюэ Пань слишком долго просидел в одной неудобной позе, и всё тело онемело, но он всё же попытался шевельнуться, преодолевая боль.

Именно в этот момент Хуа Цзянь капризно качнул ногой и не рассчитал удар, пришедшийся точнёхонько по ушибленному бедру.

Сюэ Пань взвыл от боли и рефлекторно вцепился в ногу Хуа Цзяня, собиравшегося её отдернуть:

— Какого чёрта ты творишь?!

Под пальцами ощущалась тонкая мужская щиколотка, впрочем, не оставлявшая сомнений в том, кому она принадлежит.

Странное чувство на мгновение кольнуло Сюэ Паня, но прежде чем он успел опомниться, Хуа Цзянь с силой выдернул ногу и бросил:

— Судя по всему, конечности ещё функционируют.

Если бы не всплывшие в памяти сюжетные перипетии оригинального романа, он сейчас и дальше продолжал бы мешать коктейли в UP, и уж точно не поплёрсывал бы за несколько километров на улицу Баонин проверять, жив ли ещё Сюэ Пань.

— Я тут вспомнил, что ты неплохо гоняешь. Хочешь заработать — побыстрее приводи в порядок ноги и руки.

Сюэ Пань резким движением вскинул голову:

— Откуда ты знаешь, что я умею гонять? Я после переезда в столицу ни разу за руль не садился, откуда тебе это известно?

— У меня в кармане карманный кот-робот Доразмон, доволен? — Хуа Цзянь с раздражением глянул на часы. — Ладно, у меня дела, завтра я тебе наберу.

Тут Сюэ Пань о чём-то вспомнил и виновато замялся:

— Эм... Мой телефон забрали те ублюдки.

Хуа Цзянь шумно втянул воздух. Это означало, что аппарат утерян, а денег на покупку нового у него ни гроша.

Сейчас он внезапно пожалел, что вообще притащился сюда.

— Забей, у меня сейчас нет времени с тобой возиться. Завтра в час дня на улице перед этим переулком будет кафе, я буду ждать тебя там.

Сказав это, рослый парень вихрем вылетел из грязного и вонючего переулка.

Десять минут спустя Хуа Цзянь уже вернулся в бар UP.

— Сюэ Цзянь, наконец-то! Быстрее, гости заждались коктейлей.

— Бегу!

Завертевшись в круговороте работы, Хуа Цзянь моментально выбросил Сюэ Паня из головы.

В этот вечер кто-то из посетителей угостил Хуа Цзяня шестью бутылками.

Преодолевая подступающую тошноту от откровенно сальных взглядов, которые бросали на него те несколько мужиков, Хуа Цзянь всё же выдавил из себя подобие улыбки.

Ну и денюжки же нынче зарабатываются, прямо как дерьмо на лопате.

Единственной хорошей новостью было то, что на этот раз в заведении обошлось без пьяных драк и разборок.

Без приключений отработав смену, в одиннадцать часов вечера он вышел из бара, но не успел сделать и шага, как его окликнули:

— Хуа Цзянь.

— Сюэ Пань? Какого чёрта ты здесь забыл?

Обернувшись, Хуа Цзянь увидел облокотившегося о кирпичную стену угла переулка избитого Сюэ Паня.

— Мне сегодня негде ночевать. Пусти переночевать у себя.

— Ха! Ты с таким командным тоном это заявляешь... С какой стати я должен пускать тебя в свою квартиру? Совсем кукухой поехал?

Трата терпения подошла к концу, и Хуа Цзянь решительно зашагал прочь.

— Ты больше не хочешь, чтобы я участвовал в гонках?

— Да хоть в могиле гоняй, мне плевать.

Услышав это, Сюэ Пань заметил, как последняя искра надежды погасла в его глазах.

Соседи по студенческому общежитию — те ещё гадюки.

Если они увидят его в таком состоянии, тут же настучат коменданту или, чего доброго, куратору курса.

А там и до истории с «послушной водой» недалеко.

Тьфу, мля, стоит тут с лицом обиженной девственницы, аж тошнит.

Это голос Хуа Цзяня!

Сюэ Пань резко поднял голову и увидел, что Хуа Цзянь даже не размыкал губ — он просто стоял напротив с брезгливым выражением лица, оглядывая его с ног до головы.

— Ты...

Жив — уже хорошо. Ладно, будем считать это инвестицией в будущее.

Чего ты молчишь, когда разговариваешь?!

— Короче, слушай сюда: я разрешу тебе переночевать и даже займу немного денег, но с условием — напишешь расписку. Заработаешь — вернешь долг с процентами. И ещё кое-что: забудь про всю эту дрянь вроде «послушной воды», даже не подходи к ней больше!

— Ладно, но ты...

Хуа Цзянь почесал затылок и раздражённо перебил:

— Хватит этих «но». Пошли давай, на твою разукрашенную рожу без слёз не взглянешь, пугаешь прохожих.

По дороге Сюэ Пань то и дело бросал на Хуа Цзяня любопытные взгляды.

Оставим в покое то, что его характер изменился кардинальным образом, но те странные слова, что он только что слышал... что всё это вообще значило?

Раз уж я спас Сюэ Паня, завтрашнего сюжета со случайной встречей с Шу Яо не будет. Значит, не выйдет оскорбить Цуй Чжао из-за Шу Яо... Но если не переходить дорогу Цуй Чжао, то как настоящий отец Сюэ Паня вообще обратит на него внимание?

Сюэ Пань резко поднял глаза. Какой ещё, к чёрту, настоящий отец?

По нынешнему таймлайну биологический отец Сюэ Паня ещё не передал все рычаги управления Цуй Чжао. Интересно, если Сюэ Пань заявится к нему прямо сейчас, удастся ли предотвратить грядущий пиздец?

Нет-нет, Цуй Чжао тот ещё отморозок, стоит ему пронюхать хоть малейшую зацепку, и десяти жизней Сюэ Паня не хватит.

Эх, за что мне всё это? Какая же тяжёлая у меня карма, вечно обо всех беспокоиться приходится!

В затуманенной голове Сюэ Паня промелькнула мысль: неужели у него галлюцинации?

Что за бред несёт Хуа Цзянь?

Он же сирота, вырос в детском доме, отродясь не видел ни матери, ни отца. Воспитательница рассказывала, что его подкинули прямо к воротам приюта. Ха, он-то был уверен, что его биологические родители давно сыграли в ящик.

И кто такой этот Цуй Чжао?

...

Когда Сюэ Пань снова пришёл в себя, под ним оказалась на редкость мягкая постель, манящая расслабить каждую мышцу, но пронизывающая тело боль быстро вернула его к суровой реальности.

Медленно восстанавливая в памяти события минувшего вечера, он окинул взглядом чистую, уютную комнату и подумал: судя по всему, он находится в квартире Хуа Цзяня.

Не успел он додумать эту мысль, как, широко распахнув глаза, резко скатился с кровати. Преодолевая боль, он толкнул дверь и крикнул:

— Хуа Цзянь...

Давно Сюэ Пань не видел ничего подобного: залитая светом гостиная, дымящийся завтраком стол — картина казалась до боли уютной, но какой-то нереальной.

— О, проснулся? — Хуа Цзянь поставил тарелки на стол и бросил на него мимолётный взгляд.
— В ванной есть одноразовая щётка.

В зубах у него дымилась тeneвая сигарета, из-за чего он слегка прищурился от поднимающейся белой струйки дыма.

— Шевелись давай, мне скоро на подработку, ты у меня не засиживайся.

Раздражённый тон Хуа Цзяня заставил Сюэ Паня окончательно прийти в себя.

Помолчав пару секунд, он озадачено выдал:

— Ты что, куришь?

Глава 18. Как же хочется быть младшим братом на полный рабочий день

Хуа Цзянь сварил две порции лапши на прозрачном бульоне, и два рослых парня молча умяли по тарелке.

— На столе пять тысяч, возьми, купишь мобильник и восстановишь симку. В час дня встретимся, там всё и обсудим.

Глядя на пачку хрустящих купюр, лежащих на столе, Сюэ Пань тихо пробормотал:

— Спасибо.

— Не забудь про бумажку рядом, напиши мне расписку.

Сюэ Пань поднял на него глаза.

Хуа Цзянь покосился на него:

— Чего уставился? Мои деньги с неба не падают. Ты на том пузыре как минимум двадцатку наварил, забыл?

Сюэ Пань уткнулся носом в тарелку с лапшой.

— Не прибедняйся. Хотя те тридцатники я тебе обещал, считай, мне не повезло. Но ты же сам видел: я пашу как проклятый — по будням вечером, по выходным с утра до ночи.

Если так и дальше пойдёт с безденежрием, придётся панелью торговать.

Сюэ Пань чуть не подавился лапшой:

— С какого перепугу ты так на мели? Я от ребят с потолка слышал, что у твоей семьи денег куры не клюют.

Хуа Цзянь отправил в рот порцию лапши и небрежно бросил:

— Мать выперла меня из дома и перекрыла кислород с карманными. Ты вообще представляешь, сколько стоит учиться на художника?

Сюэ Пань на секунду замер во взгляде:

— Это из-за твоей задвигоности на Фэн Цяне?

В их тусовке эту историю пересказывали как анекдот — мол, Хуа Цзянь возомнил о себе невесть что и замахнулся на луну, будучи жалкой лягушкой на дне колодца.

Хуа Цзяня перекосило так, будто он проглотил муху. Он отложил палочки и чеканно произнёс:

— Я натурал, уяснил? Мужики меня не интересуют.

Сюэ Пань промолчал. Разве ориентация — это то, что можно взять и поменять?

Заметив это скептическое выражение лица, Хуа Цзянь глубоко вздохнул:

— Хочешь верь, хочешь нет.

— Кстати, а ты хорошо знаком с Шу Яо с гуманитарного факультета?

Это была зацепка, которую Сюэ Пань вынашивал добрую половину ночи.

Из всех имён, что Хуа Цзянь упоминал прошлой ночью в своих мыслях, пересечься они могли только через Шу Яо.

Брови Хуа Цзяня нервно дёргнулись, и он уставился на него:

— Ты знаешь Шу Яо?

— Лично нет, но слышал пару сплетен о его происхождении. К тому же Фэн Цянь его терпеть не может, кое-что до меня долетало.

Он пристально всматривался в лицо Хуа Цзяня и заметил, как у того на лбу залегла глубокая складка.

Слава богу, Сюэ Пань ещё не запал на Шу Яо, так что его шкура пока в безопасности.

И правда, услышав внутренний голос Хуа Цзяня, Сюэ Пань почувствовал небывалое облегчение.

— Свою задницу спасти не можешь, а всё туда же — чужие дела разгребать? Сожрал? Бери деньги и вали нахрен отсюда.

Хуа Цзянь доел остатки лапши, раздражённо поднялся из-за стола и принялся собирать посуду.

С пятью тысячами в кармане и новенькой распиской Сюэ Пань был окончательно выставлен за дверь.

Стоя у подъезда, он бросил злобный взгляд в сторону тех ублюдков, что напали на него накануне.

Хуа Цзянь, приняв освежающий душ и переодевшись, вышел из квартиры и обнаружил, что Сюэ Пань всё ещё топчется у выхода.

Мало того, что весь в синяках и ссадинах, так ещё и корчит какие-то странные рожи.

Тц, урод редкостный.

* * *

Шу Яо никак не ожидал, что столкнется с профессором Се так быстро.

Будучи всего лишь студентом второго курса журналистики, он искренне интересовался практической стороной медиа-индустрии.

Вчерашняя попытка Цинь Ци замять дело с Се Чжитанем провалилась, из-за чего тот сильно потерял в лице. Сегодня Цинь Ци специально организовал для Шу Яо экскурсию за кулисы телецентра.

Другие сотрудники по секрету шепнули ему, что этот молодой человек — один из самых авторитетных профессоров экономического факультета среди всех столичных вузов.

Поддавшись детскому любопытству, Шу Яо вытянул шею и в тот же миг столкнулся взглядом с Се Чжитанем.

Профессор Се в студии выглядел так, будто излучал собственное свечение. Самый молодой преподаватель Пекинского университета, он непринужденно беседовал с мэтрами науки, а те смотрели на него с доброжелательным восхищением, что лишь сильнее подчёркивало его исключительность.

Шу Яо замер, неотрывно глядя на Се Чжитаня долгие минуты.

Когда запись подошла к концу, Се Чжитань помог шаткой походкой спуститься со сцены пожилому академику.

Супруга его научного руководителя внезапно упала в обморок, и Се Чжитаня срочно вызвали выручать положение.

Се Чжитань как раз склонился к старику, о чём-то тихо с ним беседуя, как вдруг услышал за спиной оклик:

— Профессор Се, подождите, пожалуйста!

Он выпрямился и обернулся. Стоило ему увидеть приближающегося паренька, как приветливое выражение на его лице заметно померкло.

— Маленький Се, не задерживайся из-за меня, ступай, мне пора. А как соберусь с дедушкой Чжоу чай пить — обязательно зови!

Тот самый старик Чжоу был научным руководителем Се Чжитаня.

Се Чжитань с улыбкой ответил:

— Что вы, я только рад буду. Берегите себя по дороге.

Как только старик скрылся за дверями лифта, подоспел и Шу Яо, подбежавший со стороны коридора. Он тяжело дышал, а на щеках играл яркий румянец.

— Профессор Се, правда вы! Какая невероятная встреча.

Стоявший перед ним юноша излучал почтительное восхищение, а его чистые черты лица придавали ему невероятно милый и послушный вид.

В детстве Се Чжитань до безумия мечтал о таком младшем брате.

Жаль только, что его собственные два брата — один вечно скачущий ураган без тормозов, другой угрюмый бука — не обладали и сотой долей той милой покладистости, что так привлекала Се Чжитаня.

Не будь вчерашнего инцидента, Се Чжитань, пожалуй, действительно проникся бы к Шу Яо симпатией.

— Шу Яо, — Се Чжитань чуть опустил взгляд. — Что-то случилось?

Шу Яо растерянно замялся, не зная, с чего начать:

— Простите за вчерашнее, мне ужасно неловко. Пожалуйста, не держите зла, Цинь Ци просто слишком хотел мне помочь.

Опять эта пластинка.

— То, что было вчера, уже в прошлом, не берите в голову. Если больше вопросов нет, я пойду.

Подоспел лифт, и Се Чжитань повернулся к нему спиной.

Шу Яо не смел его удерживать, но на душе скребли кошки, а на Цинь Ци у него появилось сильнейшее раздражение.

Только всё испортил, паразит чертов. Мало того, что ничего не добился, так ещё и заронил в Се Чжитане предвзятость к нему.

Усевшись в салон машины, Се Чжитань ослабил галстук и едва слышно выдохнул.

Он не верил во всю эту мистику и высшие силы, но вчерашние слова Хуа Цзяня оправдались с пугающей точностью.

И сегодня ему предстояло проверить ещё кое-что.

Чёрный «Кайенн» выехал с подземной парковки телецентра и моментально растворился в плотном потоке машин.

Рвно в час дня Хуа Цзянь принял звонок от Се Чжитаня, находясь в вагоне метро.

— Второй братец?

— Я помню, ты говорил, у какого выхода из метро будешь? Я как раз в центре, подброшу тебя.

Хуа Цзянь сверился с картой и назвал ориентир.

Пятнадцать минут спустя братья воссоединились.

Оригинал питал к этому второму брату слепое обожание. У Се Чжитаня был мягкий нрав и ровный характер — он никогда не трепал нервы госпоже Хуа и всегда опекал «Хуа Цзяня».

Поэтому в его присутствии Хуа Цзянь тоже вёл себя куда сдержаннее.

— Я уже созванивался со старшим. Спасибо, что поехал с ним искать Чжияня.

— Ой, да пустяки, старший брат потом столько карманных накинул!

Се Чжитань усмехнулся. Стоя на красный свет светофора, он скосил глаза на притихшего на пассажирском сиденье Хуа Цзяня.

Машина была просторной, но ноги Хуа Цзяня всё равно казались какими-то длинными и неуместными в тесном пространстве.

Вернув взгляд на дорогу, Се Чжитань непринужденно бросил:

— Я сегодня был на записи в телецентре и снова наткнулся на того твоего студента, с которым мы вчера обедали — Шу Яо, кажется?

— Шу Яо?

Хуа Цзянь вскинул голову.

Что за собачья карма у второго братца сводить с ним знакомства?

Се Чжитань следил за дорогой, а уголки его губ тронула едва заметная улыбка.

— Ага. Как раз когда Чжиянь сцепился с пареньком из семьи Тань, этот Шу Яо и подвернулся... Как думаешь, что из себя представляет этот парень, Сяо Цзянь?

Хуа Цзянь внимательно всмотрелся в его лицо и осторожно поинтересовался:

— А второй братец сам что о нём думает?

Только не говорите мне, что после всех моих предупреждений братец всё равно им заинтересуется! Все эти геи из романов просто невозможны: неужели, даже предпочитая мужиков, обязательно западать ровно на одного Шу Яо?

Уголок глаза Се Чжитаня слегка дёрнулся. Он негромко произнёс:

— Тётя говорила, будто ты любишь мужчин? С каких это пор?

Хуа Цзянь: «...»

Потерев переносицу, Хуа Цзянь решил взять грехи оригинала на себя:

— Да я тогда просто из любопытства попробовал... А теперь понял, что вообще-то мужики меня не привлекают. Только мама не верит, вот и перекрыла финансирование.

— Вот как.

Подростковые заскоки переходного возраста.

В этот момент они снова упёрлись в красный свет — таймер отсчитывал девяносто секунд.

Бзз.

Хуа Цзянь опустил взгляд на экран телефона и тут же выпрямился в струнку.

— Второй братец, ты мне бабки скинул?

— Угу. Тётя ведь лишила тебя денег? Я просто восстанавливаю справедливость.

Хуа Цзянь радостно засиял:

— Спасибо, второй братец!

А-а-а! Второй братец щедрее старшего! Ха-ха, целых двести тысяч сверху! Боже мой, как же сильно я хочу быть младшим братом на полный рабочий день! Нет, надо чаще общаться со вторым братцем, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Шу Яо запудрил ему мозги.

Запудрил? Се Чжитань не верил, что какой-то парень сможет запудрить ему мозги.

Машина тронулась с места, а мысленный монолог Хуа Цзяня продолжался.

То, что второй братец держит ухо востро с Шу Яо — это отлично. Но что делать с угрозой вокруг старшего брата?

Этот ублюдок Шэнь Лин пытается подставить семью Се уже не первый день, эх!

Разве в книге не говорилось, что второй братец — гений инвестиций? Если бы он тоже устроился в семейную корпорацию, точно бы раскопал тёмные делишки Шэнь Лина.

Но как бы мне так ненавязчиво подсказать второму братцу, что деньги от совместных проектов с Шэнь Лином пахнут грязью?

Пальцы Се Чжитаня на руле судорожно сжались.

Глава 19. Цинь Ци — бешеная собака

Се Чжитань привёз Хуа Цзяня в тот же самый ресторан домашней кухни.

Выбирая блюда, он отдал меню на откуп Хуа Цзяню, а сам вышел сделать звонок.

В семье Се все, за исключением Се Чжияня и самого Хуа Цзяня, предпочитали строгую и пресную пищу. Но с учётом профессии Се Чжитаня и вовремя подоспевших двухсот тысяч на карманные расходы...

Хуа Цзянь с легким сердцем заказал целую гору изысканных вегетарианских и диетических блюд.

Прислушиваясь к тому, как официант монотонно зачитывает позиции, Хуа Цзянь мысленно

похвалил себя: ну просто образцово-показательный младший братец!

Спустя двадцать минут Се Чжитань вернулся.

К тому моменту стол уже ломился от угощений.

Тот же зал, но совсем другая атмосфера. Окинув взглядом этот набором блюд, Се Чжитань на секунду прищурился.

<http://bllate.org/book/21819/2258964>